

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.12>

UDC 81-119
LBC 81.02

Submitted: 07.07.2023
Accepted: 09.10.2023

**G. GUILLAUME'S GLOTTOGENESIS IN THE FRAMEWORKS
OF GENERAL, INDO-EUROPEAN AND ROMANCE LINGUISTICS**

Part 1

Mikhail V. Zelikov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. In this article, the phenomenon of linguistic glottogenesis is studied, which in G. Guillaume's psychosystematic theory is interpreted not as the oldest process of formation of a natural sound language, but as a linguistic change that took place at a short cut of the evolution "Latin – French", and in the works of his followers is considered as a "phenomenon of the development of French analyticism". The article analyzes three concepts of the word-sentence in modern linguistics (none of them coincide with the interpretation of this term in the works of G. Guillaume's followers): 1) as an undifferentiated unit, that goes back to the "diffuse syntax", which fits in with the ideas of syncretism of the "primitive" culture of A.N. Veselovsky; 2) as one-part (nominative and impersonal) sentences; 3) as situational statements that perform the function of remarks in dialogical communication. The syntactic studies of the 20th – 21st centuries have shown that the core of the Indo-European utterance is not the nominality defended by G. Guillaume and his followers, but verbal predicativity (argumentative-and-predicate structure). The research into the process of the Indo-European language type evolution elicits the "pre-inflectional" character of Indo-European languages at the "initial" stage of the development, contrary to Guillaume's basic position. Empirical evidence suggests that, synthetism and analyticism, not being the main characteristics in typological classification, are shown to explicate its two types – inflectional and agglutinative. In the history of Indo-European languages, in addition to the shift from synthetic constructions to analytical ones, there was often a reverse process as well.

Key words: glottogenesis, Indo-European studies, Romance studies, French, Western Romance languages, analyticism, predicate-argumentative structure.

Citation. Zelikov M.V. G. Guillaume's Glottogenesis in the Frameworks of General, Indo-European and Romance Linguistics. Part 1. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 6, pp. 155-170. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.12>

УДК 81-119
ББК 81.02

Дата поступления статьи: 07.07.2023
Дата принятия статьи: 09.10.2023

**ГЛОТТОГЕНЕЗ Г. ГИЙОМА В СВЕТЕ ДАННЫХ
ОБЩЕГО, ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО И РОМАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

Часть 1

Михаил Викторович Зеликов

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье характеризуется явление лингвистического глоттогенеза, трактуемое в психосистематической теории Г. Гийома не как древнейший процесс формирования естественного звукового языка, а как языковое изменение, происходившее на коротком отрезке эволюции «латынь – французский», которое в работах его последователей рассматривается как феномен развития французского аналитизма. Анализируются три понимания слова-предложения, существующие в современном языкознании, не совпадающие с трактовкой этого термина в работах последователей Г. Гийома: 1) как нерасчлененной единицы, восходящей к «диффузному синтаксису», что смыкается с идеями о синкретизме «первобытной» культуры А.Н. Веселовского; 2) как односоставных (номинативных и безличных) предложений; 3) как ситуативных высказываний, функционирующих в виде реплик диалогического общения. Показано, что в синтаксических исследованиях XX–XXI вв. ядром индоевропейского высказывания признается не отстаиваемая Г. Гийомом и его последователями номинальность, а глагольная предикативность (аргументно-предикатная структура). Рассмотрение процесса эволюции индоевропейского языкового типа позволяет говорить о том, что, вопреки основному положению Гийома, на «начальном» этапе развития индоевропейских языков он был «дофлективным». С опорой на эмпирические данные продемонстрировано, что синтетизм и аналитизм, не будучи основными характеристиками типологической классификации, эксплицируют два ее типа – флективный и агглютинативный. Утверждается, что в истории индоевропейских языков, помимо смены синтетических конструкций на аналитические, часто имело место и обратное развитие.

Ключевые слова: глоттогенез, индоевропеистика, романистика, французский язык, западнороманские языки, аналитизм, предикатно-аргументная структура.

Цитирование. Зеликов М. В. Глоттогенез Г. Гийома в свете данных общего, индоевропейского и романского языкознания. Часть 1 // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 155–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.12>

Введение

Общеизвестно, что глоттогенез (то есть «языка происхождение») используется как термин, обозначающий процесс становления (формирования) человеческого естественного звукового языка, отличного от других знаков (около 100 тыс. лет назад до образования макросемей, то есть 40–30 тысяч лет назад), предполагающий изучение вероятных путей становления (формирования) основных языковых категорий [Иванов, 1990, с. 108]. Как реконструкция «начал языка в целом», глоттогенез составляет одну из основных задач, решаемых палеонтологией языка [Иванов, 1990, с. 108] и, в частности, палеонтологией речи. Дополнительную значимость здесь при рассмотрении этого вопроса имеет обращение к идеям Л.С. Выготского о процессе создания внутренней речи, то есть палеонтологического механизма, лежащего в основе глоттогонического процесса формирования языка. По мнению В.С. Библера, эти идеи «сформированные как психологические... по существу... являются логическими» [Библер, 1975, с. 157]. Согласно Выготскому, главной особенностью внутренней речи, составляющей ее смысловую сторону и выступающей как средство трансформации мысли, является сокращен-

ный, свернутый, предельно предикативный (сливающий логический субъект-подлежащее и сказуемое) синтаксис [Выготский, 1934, с. 271], предполагающий диалогическое отношение (S1 → S2) [Библер, 1975, с. 55]. Это положение Выготского, представляющее развитие «мышление → речь → язык» резко противопоставлено основному постулату теории Г. Гийома о «языке как саморазвивающейся системе», определившему основное направление работ его последователей. Их внимание сосредоточено и на обосновании статуса французского как языка, находящегося на вершине индоевропейского глоттогенеза, что также восходит к одному из гипотетических положений Гийома.

Данное исследование будет опубликовано в двух частях. В первой части статьи, посвященной анализу изучения в современной психосистематике особенностей глоттогенетического процесса, рассматриваются три следующие проблемы: 1) глоттогенез Г. Гийома в контексте понятия «слово-предложение» в современном языкознании; 2) глагольная предикативность как ядро предикативного высказывания; 3) этапы эволюции индоевропейского языкового типа. Во второй части статьи будут рассмотрены две другие проблемы: 4) об аналитизме и синтетизме как фазах единого цик-

М.В. Зеликов. Глоттогенез Г. Гийома в свете данных общего, индоевропейского и романского языкознания

ла языковой эволюции; 5) о французском аналитизме в свете данных индоевропеистики и романской диалектологии.

Результаты и обсуждение

1. Глоттогенез Г. Гийома в контексте понятия «слово-предложение» в современном языкознании

Автор теории о ментальном и абстрактном характере языковой системы как саморазвивающейся «системы систем» [Становая, 2016, с. 51; Fuchs, Goffic, 1992, р. 42] Г. Гийом рассматривает французский как язык, находящийся на вершине индоевропейского глоттогенеза [Guillaume, 2005, р. 116]. Основываясь на этом положении, его последователи определяют глоттогенез как языковое изменение, имевшее место лишь на коротком отрезке эволюции – на этапе преобразования латинского языка в французский. Определены и границы этого преобразования. «Начальным этапом» объявляется латинское «слово-предложение», а «конечным» – «готовая единица» – французское слово – «феномен развития французского аналитизма» [Становая, 2013]. Экспликацией последнего является «вычленение или выделение грамматического форманта, выражающего логические лицо, выносимое за пределы синтетической формы: фр. *Il y a* ← лат. *ornat*» [Становая, 2013].

Это психосистематическое осознание значения термина «глоттогенез» неоправданно и уязвимо по многим очевидным причинам. Так, хорошо известно, что истоки собственно индоевропейского глоттогенеза датируются ранним праиндоевропейским периодом (4500–4000 гг. до н. э.) [Герценберг, 2010, с. 230], и начинать эволюцию с латыни (одного из языков италийской подгруппы, носители которых появились на Апеннинах в 1500–1000 гг. до н. э.) [Герценберг, 2020, с. 231], безусловно, некорректно. Рассуждать здесь можно лишь о французском глоттогенезе как об одном из вариантов, связанных с разрушением флексии, то есть феномена, общего для всех романских языков. Гийомовский «глоттогенез», таким образом, касается лишь последнего этапа эволюции. Ему предшествовали 2 этапа: синкретический (существование «безотноситель-

ных корней» типа *Nomenverba / Verbalnomina* В. фон Вундта и А.А. Потебни) и агглютинирующий (присоединение к корням отдельных слов, терявших свое самостоятельное значение Ф. Боппа).

В современном языкознании существует несколько трактовок слова-предложения (слова-фразы). **Одно из них** восходит к «диффузному синтаксису», предполагающему существование нерасчлененных единиц [Якушин, 1984, с. 84] и сложившемуся на основе идей Н.Я. Марра (в свою очередь опиравшегося на наследие Ф. Гегеля и А.Н. Веселовского) [Chown, 2005, р. 78], а позднее заимствованное у Марра Л. Теньером [Вельмезова, 2007, с. 157]. Речь идет о языковых единицах, совмещающих номинативную и коммуникативную функции в инкорпорирующих языках [Ахманова, 1969, с. 425], отображающих нерасчлененный процесс (состояние или действие). Ср. чукотск. *Н'э-ны ы'лы-лг-ы-гь*, букв. «Гора снегорастаяла», то есть «На горе растаял снег» [Недялков, 1982, с. 139]¹. Баскская личная глагольная форма *dakit* «я знаю», букв. «это знаю я» (*da* – маркер 3-го л. ед. ч., *-ki* – корень глагола *jakin* «знать», *-t* – маркер 1-го л. ед. ч.) типологически напоминает ирландские агглютинированные комплексы типа *notbersa* «я тебя отнесу» (*no* – приглагольная частица, *-t* – инфигированное местоимение 2-го л. ед. ч., *ber* – «отнесу», *sa* – усиленное местоимение 1-го л. ед. ч.) [Ярцева, 1954, с. 8]. По мнению исследовательницы, грамматические черты ирландского, возможно, значительно контрастируют с индоевропейским типом, в особенности современных аналитических европейских языков. В их числе «инфиксация и суффиксация местоимений – одна из черт агглютинативной тенденции, отмечаемой также в скандинавских германских языках, объединяющая тех с финно-угорскими» [Кузьменко, 2012, с. 285], субстратное влияние которых также неоднократно отмечалось и для (древне)ирландского [Серебрянников, 1974, с. 77–78]. Кеттск. *батаб-таг* «я вытасу это», букв. «мое-вытаскивание-этого», типологически сходное с личными глагольными формами, развившимися из притяжательных конструкций с местоимениями в индоевропейском [Иванов, 1980, с. 187]². В этом же ряду – «слова-фразы» в романских

языках. Помимо хорошо известных французских моделей со вставленными «посторонними элементами» типа *tu ne l'a pas laisse* («ты его не оставил») [Мейе, 1938, с. 360] и португальских тмесисов типа *dou-lhos* «я ему их даю» и *falar-te-ei* «скажу тебе» (букв. «говорить-тебе-имею»), это иберо-романские формы с интеркаляцией обоих местоименных актантов типа диал. леонск. *Non a te lu crer* «они тебе в этом поверят», *se lo tu quiseres* «если это ты захочешь», араг. *Yo lo te decie* «я это тебе говорил» [Зеликов, 1988, с. 131] и старокастильские формы футурума с инфигированным местоимением типа *dart'he* (= *te daré*) (LBA, 965 bcd).

Другое понимание слова-предложения связывается с однокомпонентными безличными предложениями типа рус. *Морозит; Светает; Тошнит* (всегда кого-то). Сюда же можно отнести и номинативные предложения (*Зима; Ночь*), также имеющие компрессивную природу, но уже не требующие восстановления. От них следует отличать компрессивные одночленные предложения, совпадающие с номинативными по форме, но не являющиеся ими и не существующие самостоятельно, а в тесной связи (синтаксически и по смыслу) с предшествующим контекстом [Мещанинов, 1982, с. 255–256]. Ср.: *Об одном только жалею: годы...*

Третья трактовка связана с функционированием речевых образований, то есть высказываний, не укладывающихся в обычную схему предложения и функционирующих как реплики в процессе диалогического общения. Структурно-семантическая схема этих единиц обязательно включает модально-коммуникативный аспект, проявляющийся, прежде всего, в интонации. Они соотносены с конкретной ситуацией, то есть **ситуативны** [Гак, 1990, с. 90] и, противопоставленные развернутым высказываниям, компрессивны: используя в беглой диалогической речи они имеют сокращенный вид [Ахманова, 1969, с. 94]. Ср.: *Хорошо?* (вопросительное слово-предложение); *Верно; Конечно* (модально-ответные слова-предложения); *Разве?; Едва ли!* (модально-экспрессивные слова-предложения); *Нет* (← *не есть*), *неправда* (← *это не есть правда*) (отрицательные слова-предложения); *Красота!* (эмоционально-оценочное слово-

предложение) и др. [Ахманова, 1969, с. 425]. Здесь же – «усеченные» повелительные предложения: *В поход!* (← *выступайте в поход!*) [Мещанинов, 1982, с. 255]. Особняком в этом императивном ряду стоят слова-предложения, используемые вместо субстантивных терминов. Так, в итальянском, для обозначения бабочек существует *bassatièrra*, букв. «спуститься к земле», в Лигурии и в Верхней Италии – *cala-bassa*, букв. «сядь ниже», на Сицилии – *luci-luci-picuraru* «свети, свети, пастух»; в Пьемонте – *Maria-vula* «Мария-лети», в Венеции – *Maria svolla via* «Мария, лети (отсюда)!», в провинции Аквила – уже стянувшееся в одно слово *mariòla* «Мария, лети»; на севере Сардинии – *vola-vola* «лети-лети», в Калабрии – *vola-volèlla* [Зеликов, 2018, с. 74].

2. Глагольная предикативность как ядро предложения-высказывания

В рамках гийомовского «глоттогенеза» под словом-предложением понимаются личные формы глагола, то есть «связанные формы, составляющие одно слово, содержащие наиболее употребительную форму предложения “деятель-действие”» [Блумфилд, 1968, с. 181]. Речь идет только о глагольном предложении, единственным существенным и постоянным элементом которого является глагол, заключающий в себе указание на лица и числа и потому оказывающийся самодовлеющим: лат. *Uenio, uenis, uenimus* «прихожу, приходишь, приходим» и т. д. могут каждое в отдельности составлять целое предложение [Мейе, 1938, с. 367]. Это, однако, не исключает их естественной возможности входить в состав более развернутых предложений-высказываний в качестве глагольно-предикатного компонента: *Петр приходит в Рим*. От инкорпорирующего и агглютинирующего типов этот тип слов-предложений, помимо необязательной самодостаточности, отличается способностью указывать на процесс, предполагающий только одну предикатно-субъектную структуру («деятель – действие», шире – «участник процесса – процесс», ср. *(он спит)*), а от компрессивных слов-предложений третьего типа – отсутствием не только самодостаточности, но и ситуативности. Однокомпонентные безличные предложения, будучи

М.В. Зеликов. Глоттогенез Г. Гийома в свете данных общего, индоевропейского и романского языкознания

также самодостаточными, указания на деятеля или участника процесса в своей структуре не содержат, как и все безличные образования. Таким образом, основной признак действительных слов-предложений – самодостаточность, исключающая возможность их вхождения в состав развернутого предложения в качестве глагольно-предикатных компонентов. В отличие от инкорпорирующего / агглютинативного, модально-коммуникативного и безличного / именного типов, модели последнего типа, участвуя в построении простого предложения в качестве односоставного сказуемого, не являются самодостаточными и при функционировании в качестве слов-предложений. Так, формы 3-го л. ед. ч., вне зависимости от наличия / отсутствия маркера, указывающего на лицо, всегда требуют пояснения и избыточными, следовательно, не становятся. Ср. лат. *venit*, рус. *приходит*, итал. *viene*, которые на родовые различия сами по себе не указывают и обязательно предполагают связь с дифференцирующими их формами местоимений: *он / она приходит*. Направленная на актуализацию сообщаемого предикативность, которая соотносит содержание предложения с действительностью, выражается в категориях модальности, времени и лица и создается сочетанием структурно-смысловых центров предложения, обычно двух – субъекта и предиката [Золотова, 1967, с. 94]. Понимание предикативности как ядра предложения предполагает факт того, что только выражаемое глаголом сказуемое может быть самостоятельным компонентом. Остальные части речи (в том числе имена) определяются только по их связи с глаголом (а члены предложения, соответственно, по связям со сказуемым).

Весьма существенной при этом является опора на положение о том, что категории частей речи и членов предложения взаимно предполагают друг друга, исключаящее противоречие, имеющего место в условиях жесткого разделения морфологии и синтаксиса, а также «жесткого характера частей речи», закон о котором был сформулирован Г. Гийомом [Самигуллина, 2009, с. 66]. Так, уже терминологически подлежащее – *sub-jectum*, букв. «(то, что) лежит под словом», то есть некая сущность (*substantia*, существительное),

обозначаемая в структуре высказывания; сказуемое – *pre-dicatum*, букв. «(то что) сказывается (*prae-dicere*)» в высказывании об этой сущности-субстанции. В современной философии «субъект» определяется как носитель предметно-практической *деятельности* и познания, источник *активности*, направленной на объект [Философский энциклопедический словарь, 1997, с. 137]. Это определение указывает, таким образом, на то, что ядром высказывания является именно *глагольная предикативность*. Это трактование предикативности, не востребованное популяризаторами Г. Гийома, всегда рассматриваемыми существительное как опору, а сказуемое – как вклад [Скрелина, 1999, с. 86], подтвердилось в индоевропеистике XX столетия.

Как было установлено, «три класса знаков в индоевропейских языках – местоимения, имена и глаголы... зависят друг от друга как на уровне высказывания, так и на уровне глубинных языковых структур» [Бадер, 1988, с. 203]. С расширением эмпирической базы (использование не только материала классических языков) привело: 1) к отходу от обязательного трактования именного компонента в ядре предложения в качестве главного; 2) к отказу от положения Н. Хомского о том, что каждая цепочка символов глубинного предложения включает именную составляющую, вспомогательный глагол и глагольную составляющую. Так, ведущая идея современной генеративной теории состоит в признании того, что именно ядерная синтаксическая структура (VP) предложения (а не NP *aux* VP), как это имело место в работах 70–80-х гг. [Rojas, 1977] представляет собой прямую проекцию аргументной структуры глагола (V) [Бабий, 2014] или предикатно-аргументную структуру.

Насколько свидетельствует материал древнейших индоевропейских диалектов, субъект не является главным компонентом предложения [Леман, 1988, с. 354], так как простое предложение в индоевропейском языке состояло из глагола и, в зависимости от его лексических характеристик, одного или нескольких объектов («лексические вхождения» по Ю.С. Степанову [Степанов, 1989, с. 10]). Субъект мог быть желательным, но не обязательным, но объекты (актанты, ар-

гументы) при переходных глаголах были обязательны. «К утверждению об обязательной субъектно-предикатной структуре предложения лингвисты пришли под влиянием западной логики, основанной на модели греческого предложения, когда греческий язык стал уже в значительной степени языком типа SVO» [Степанов, 1989, с. 10]. «По Готфриду Герману, каждое предложение состоит из субъекта, предиката и связки³. Однако, насколько свидетельствует материал древнейших индоевропейских диалектов... субъект не является главной компонентой предложения, особенно в языках OV-типа» [Леман, 1988, с. 354]. Исследование более ранних языков типа VSO или (S)OV ведет к заключению, что субъект является менее важным элементом предложения, чем объект, а глагол является основным элементом [Степанов, 1989, с. 10]. То же подчеркивал и А.А. Холодович: «Доминантность сказуемого лингвистически доказуема, доминантность подлежащего – нет» [Холодович, 1979, с. 298]. Как отмечают В.М. Павлов и А.Л. Сухачев, «несмотря на принципиальную допустимость двух подходов о выдвижении на роль “господствующего” члена предложения либо имени, поскольку оно отражает субстанцию (имяцентризм О. Есперсена и Г. Гийома, восходящий к категориям Аристотеля), либо глагола в качестве коммуникативного центра высказывания (Л. Теньер), для “европейского языкового стандарта” в чистом виде приемлема только вторая “вербоцентрическая” теория» [Павлов, Сухачев, 1992, с. 194]⁴.

Как отмечает также подчеркивающий зависимость имени от глагола, а не наоборот И.П. Сусов, в новейшем синтаксисе о предикате говорится по крайней мере в разных двух смыслах. Одна трактовка исходит из традиционного противопоставления субъекта и предиката как двух звеньев, на которые членится речемыслительный акт, другая опирается на представление о *предикате как конструктивно-семантическом ядре*, задающем свое окружение, в состав которых может входить определенное число членов, называемых аргументами, комплементарными, актантными или партиципантами [Сусов, 1981, с. 93]. О первостепенной важности глагола-предиката, по мнению Л.В. Щербы, свидетельствует и то, что именно он составляет рему (логический

предмет) предложения, в то время как логический субъект составляет только тему [Шевакова, 1990].

Несмотря на различия в трактовках, необходимость исследования всей субъектно-(предикатно)-объектной структуры остается неизменной. Важно только подчеркнуть, что акцент здесь всегда должен делаться на выражении *предикативности как ядра индоевропейского предложения*, потенциально осуществляемой как его именными, так и глагольными компонентами. Кроме того, как отметил А.А. Холодович: «Все то, что отображает суждение, является в предложении главным» [Холодович, 1979, с. 293]. Основываясь на фундаментальных работах А.А. Потебни, С.Д. Канцельсона, Ш. Балли, Ю.С. Степанова и других исследователей, отмечающих первостепенную важность именно синтаксической составляющей языка, В.А. Михайлов подчеркивает, что «в речемыслительной деятельности имеют место постоянные взаимопереходы знака из предикативной позиции в непредикативную (т. е. в позицию номинализации и наоборот, что предполагает вербализацию). <...> Потенциально любой знак может быть как именем, так и предикатом» [Михайлов, 1992, с. 113]. При этом «любой знак есть потенциальный предикат», так как «подлинная сущность знака, проявляющаяся в его функционировании в речи, заключается в амбивалентности его сущности – в зависимости от позиции знак способен быть и именем, и предикатом» [Михайлов, 1992, с. 114], а не просто в том, что он составляет понятие, соотносящееся с полем виртуального, то есть языковое означаемое – сигнификат или номинат слова в системе языка, языковую единицу (шире – концепт) [Реферовская, 1977, с. 116], находящийся в фокусе внимания психосемантики. Последняя отделяется Гийомом от психосемантики, в рамках которой, собственно, и рассматриваются вопросы грамматических форм знаков, участвующих в построении речи [Рыжова, 2007, с. 57].

При исследовании референциальных отношений высказывания (дискурса) особую важность имеет акцент на выявлении синтаксических отношений именно аргументной структуры с предикатно-глагольным ядром [Кибрик, 1982, с. 30]. Любые попытки заме-

М.В. Зеликов. Глоттогенез Г. Гийома в свете данных общего, индоевропейского и романского языкознания

нить ее на анализ жестких схем с иерархической доминантой субстантивных единиц, исключая рассмотрение функционирующих в условиях устной и письменной (дискурс = текст) коммуникации субъектно-предикатно-объектных структур, неразрывно связанных с параметрами «здесь» и «сейчас», и не учитывающих влияние контекста (ситуации, конситуации), как это имеет место в теории Г. Гийома, видятся бесперспективными.

О продуктивности внимания к определяющему уровню синтаксиса при исследовании референциальных отношений в аргументно-предикатной структуре, в частности, местоименных объектов, особенности функционирования которых зависят от глагольно-предикатного центра структуры высказывания, свидетельствуют работы И. Беллерт [Bellert, 1969, p. 172–175]. Исследованию референциальных свойств подлежащих как аргументных компонентах глагольного ядра посвящены статьи Л.Э. Кинена [Кинэн, 1982] и П. Шахтера [Шахтер, 1982]. Особая роль при выражении синтаксических (в частности, референциальных) отношений отводится референциально-ролевой грамматике Р. Ван Валина и У. Фоли, в которой исследуются прагматические свойства именных групп, играющих важную роль в обеспечении связности текста. В центре внимания грамматистов оказываются падежные, то есть именно синтаксические роли именных групп, зависящих от семантики предиката [Ван Валин, Фоли, 1982, с. 399]. Референциальная (прагматическая) структура в целом здесь понимается, естественно, как организация всех элементов простого предложения с точки зрения их роли в тексте [Ван Валин, Фоли, 1982, с. 403], а не как иерархическая зависимость глагола или прилагательного от существительного. Являясь многоуровневой, она, как отмечает А.Е. Кибрик, стремится учесть коммуникативную функцию языка, «соотношение между коммуникативной функцией, которую составляют семантические и прагматические (дискурсивные роли) факторы, и формой (синтаксические отношения) и приближает к построению глобальной модели языка» [Кибрик, 1982, с. 35–36], к созданию которой ведет, таким образом, именно синтаксис, а не теоретические построения, не находящие места синтаксическому уровню

ню в *языковой* системе. Эту же цель преследует основывающаяся на анализе аргументно-предикатной структуры и «Новая референциальная грамматика современного испанского языка» Дж. Бутта и К. Бенджамина [Butt, Benjamin, 2000].

Обозначая задачи контрастивной грамматики, В.Н. Ярцева особо отмечает определяющую роль синтаксического уровня. Выдвижение на первый план тесно связанного с понятийными и логическими категориями синтаксиса объясняется стремлением грамматистов проникнуть в содержательную сторону языка, осуществляющуюся в русле проблемы отношения языка и мышления, которая всегда (и задолго до появления лингвистического когнитивизма) была в центре внимания лучших представителей отечественного языкознания. «В историческом плане многие преобразования в морфологии... начинаются при употреблении тех или иных морфологических форм в рамках синтаксических конструкций. <...> Взаимозависимость фактов морфологии и синтаксиса неоднократно отмечалась в лингвистической науке» [Ярцева, 1981, с. 15]. Так, «при анализе связи лексических подгрупп глаголов с определенными синтаксическими построениями» [Ярцева, 1981, с. 16] выясняется, что с выбором различных грамматических моделей, отражающих те или иные конфигурации субъектно-(предикатно)-объектных отношений, связаны не только грамматические понятия подобные переходности-непереходности, но и семантические группы типа глаголов речи (говорения), чувственного восприятия и т. п. [Ярцева, 1981, с. 16].

О первостепенной важности глагольной составляющей в структуре высказывания иберо-романских языков свидетельствует и нормативное отсутствие грамматического субъектного аргумента в личных и неопределенно-личных предложениях, обычно выраженного в аналогичных русских, немецких, английских и французских структурах. Ср.: исп., порт. *digo* ≠ рус. (я) *говорю*, нем. *ich sage*, англ. *I say*, фр. *je parle*; исп. *dicen*, порт. *dizem* ≠ нем. *man sagt*, англ. *they (people) say*, фр. *on dit*. Отметим при этом, что отношение иберо-романских конструкций к односоставным предложениям не является корректным. Они двусоставны: логический субъект,

выраженный грамматической формой глагола-сказуемого, представлен и в тех случаях, когда эксплицируются личные местоимения (*Digo yo / eu* или *Yo / eu digo*). Высказывание в этом случае приобретает эмфатико-экспрессивный характер и следует говорить о составляющем третий раздел современной семиотики прагматическом факторе (подробно об этом см.: [Зеликов, 2005, с. 146–147]).

3. Этапы эволюции индоевропейского языкового типа

Обращаясь к вопросу о глоттогенезе в психосистематике, последователи Г. Гийома все изложенное выше игнорируют. Однако взявший патент на истину провозвестник «менталистской грамматики» никогда специально проблемами индоевропейистики не занимался. Так, уже ставший достоянием сравнительного языкознания 30-х гг. XX в. анатолийский (хеттский и лувийский) материал, им никогда не рассматривался⁵. В своих «индоевропейских» постулатах Гийом опирался только на общеизвестные факты греческого и латыни. Кроме того, остаются без какого-либо осмысления существенные данные, появившиеся в зарубежном (Х.К. Уленбек, М. Ван-Вейк, Х. Педерсен, Э. Ларош, А. Вайян, К. Шилдз и др.) и отечественном (Н.С. Трубецкой, С.Д. Кацнельсон, В.М. Жирмунский, М.М. Гухман, Г.А. Климов, Вяч. Вс. Иванов, Ю.С. Степанов) языкознании XX столетия и в работах современных гийомистов. Например, Л.А. Становая, рассматривая глоттогенез как эволюцию флективных («наиболее развитых») индоевропейских языков «от начального ареала к конечному» [Становая, 2013, с. 78], не учитывает впервые высказанного Б.И. Уилером в 1898 г. и давно устоявшегося положения, согласно которому «на ранних этапах своего развития индоевропейский праязык был, вероятно, изолирующим... типа китайского» [Шилдз, 1988, с. 224]. В этот «дофлективный» период основообразующих формантов (номинально-вербальных, либо прономинально-адвербиальных слов-корней) [Шилдз, 1990, с. 12]) собственно флексия еще не появилась [Adrados, 1986, p. 1]. Как отмечает К. Шилдз, «развиваясь различными путями... индоевропейский лишь постепенно пре-

вратился в язык с богатой флексией. Именно в таком качестве его обычно реконструируют на период, непосредственно предшествующий распаду индоевропейской языковой общности» [Шилдз, 1988, с. 225]. В дальнейшем (в агглютинативный период по Ф. Боппу) служебные слова, соединяясь с самостоятельными корнями, превращались в суффиксы [Савченко, 1974, с. 360]. В значимой статье «Мысли об индоевропейской проблеме» Н.С. Трубецкой, выявляя тенденции развития индоевропейского языкового типа, пришел к следующему заключению: «Если лингвисты до сих пор считали языки агглютинирующие более примитивными, чем флектирующие, то поступали они так, очевидно, только в силу эгоцентрических предрассудков, являясь сами представителями разных индоевропейских, а следовательно, флектирующих языков. Отрешившись от этих предрассудков, следует признать, что чисто агглютинирующие языки... представляют из себя гораздо более совершенное орудие, чем флектирующие» [Трубецкой, 1987, с. 57]. Одним из показателей этого является «небольшой инвентарь экономно используемых фонем» [Трубецкой, 1987, с. 57], и далее: «О том, что, вопреки утверждению индоевропейских лингвистов, агглютинирующий строй... представляется некоторым идеалом... свидетельствуют опыты создания искусственных языков, Ш. Балли совершенно верно заметил, что эсперанто, который состоит исключительно из индоевропейских лексем, тем не менее, является языком чисто агглютинативным... Между тем, обратное явление было бы немислимо... Итак, индоевропейские языки возникли в процессе преодоления гипертрофии флексии, стремясь к рациональной агглютинации как к идеалу... и продолжают эволюционировать все в том же направлении» [Трубецкой, 1987, с. 58–59]. Комментируя движение от флективного типа к агглютинативному, Вяч. Вс. Иванов интерпретирует его следующим образом: «В структуре древнего индоевропейского склонения и спряжения обнаруживается много проявлений агглютинации (ср. глагольные формы типа 3 л. ед. ч. повелит. накл. хетт. -t-ag-u, где за показателем 3 л. ед. ч. -t- следует примета медиопассива -г- и примета повелит. накл. -u- и т. п.). Поэтому развитие, скорее всего, происходило цикличес-

М.В. Зеликов. Глоттогенез Г. Гийома в свете данных общего, индоевропейского и романского языкознания

ки: от агглютинации к флексии и далее опять к агглютинации» [Комментарий, 1987, с. 419] (см. также: [Толстой, Иванов, 1957]). То же – в исследованиях 80-х гг. XX в.: «...уже одно наличие огромного числа местоименных частиц ставит под сомнение существующее представление об индоевропейском праязыке как о языке исключительно флективного строя... так как только *агглютинативной морфологии* может объясняться исходное отсутствие флексий у местоимений. Свидетельства этой морфологии многочисленны... например... агглютинативное присоединение местоимений к глаголу...» [Бадер, 1988, с. 208–209]. В этой связи особую ценность обретает замечание А. Мейе, называвшего личные местоимения современного французского языка (*je, tu, il, elle, nous, vous, ils, elles*) «словечками»⁶, которые «самостоятельно не существуют и встречаются только вместе с глаголом: таким образом, в формах *j'aime* “я люблю” или *je finis* “я оканчиваю” французский язык близок к восстановлению спряжения, но спряжения с префиксами вместо индоевропейского суффиксального спряжения» [Мейе, 1938, с. 736], а не *расчленению* на слова-предложения. Выделяя, согласно Г. Гийому, два движения, указывающие на эволюцию индоевропейских языков – нисходящее (операция анализа слова-предложения на составляющие его форманты) и восходящее (операция синтеза полученных формантов при формировании слова как новой языковой единицы), приводящих к образованию романских аналитических слов, Л.А. Становая отмечает, что «построения, сходные со словом-предложением можно встретить во многих индоевропейских языках, в том числе и современных» [Становая, 2013, с. 79–80]. При этом утверждается, что «анализ, позволяющий сделать (эти) очень существенные выводы, производится с учетом сведений, накопленных в исторической лингвистике относительно известных мертвых и живых языков» [Становая, 2013, с. 79].

Как показывают данные современной индоевропеистики, слова-предложения типа «деятель / участник процесса – действие» имеются абсолютно во всех индоевропейских языках. Это личные глагольные формы с окончаниями, восходящими к праиндоевропейским

первичным окончаниям презенса **-ti* [Семереньи, 1980, с. 250]. Например, форма 3-го л. ед. ч. презенса помимо лат. *venit* и рус. *приходит* представлена не только в индо-иранских, греческом, готском и балто-славянских [Семереньи, 1980, с. 249], но и в континентальных кельтских: кельтиб. *ropiseti, auseiti* и др.; галльск. *legat* [Калыгин, Королев, 1989, с. 65, 91] и, как можно предположить, в докельтском индоевропейском языке Пиренейского полуострова – лузитанском: *ioveat, singeiete* [Калыгин, Королев 1989, с. 69], также *rueti* [Gorrochategui, 2005, p. 223]. То же – в анатolianских [Melcher, 1992]. Личные окончания глагольных форм давно рассматриваются как имеющие местоименное происхождение [Семереньи, 1980, с. 342–343; Одри, 1988, с. 87; Бадер, 1988, с. 209–210]. Окончание формы 3 л. ед. ч. преимущественно возводят к дейктическому местоимению **to-* (об этом и о других гипотезах см. выше, а также в: [Семереньи, 1980, с. 344]).

Приводя латинский пример *Petrus venit* – *Петр приходит*, где «словом-предложением выступает *venit*, а *Petrus* вынесено за его пределы и повторено в нем глагольным окончанием *-i(t)*, которое отсылает к номинативу *Petrus*» Л.А. Становая, цитируя работу Л.М. Скрелиной [2009, с. 119] и сообщая, что глагол «здесь... инцидентен сам по себе, заключая... грамматическое лицо (3 лицо)... предикат *ven-*, субъект *-(i)t*» [Становая, 2013, с. 80], далее замечает: «все то же самое можно сказать о русском языке, где... субъект действия (Петр) выражен глагольным окончанием *-ит*». При этом утверждается, что «в латинском языке... в случае добавления имени (*Petrus*) получается грамматическая избыточность» [Становая, 2013, с. 80]. С этим утверждением трудно согласиться уже по той причине, что формант *-(i)t* в латинской форме *venit* выражает просто 3-е л. ед. ч., но родовые различия (*ille* «он», *illa* «она», *illud* «оно») при этом не маркируются и формы 3-го л., в отличие от 1-го, обязательно требуют местоименной или субстантивной (нарицательной / конкретной) экспликации. Ср.: *Ille / illa / illud / Petrus / Maria / populus venit ≠ ego venio*, в котором *ego* действительно является избыточным (грамматический плеоназм по Ш. Балли), так как дальнейшая дифференциация не требуется. Это еще один пример, ука-

зывающий на недопустимость квалификации «избыточных» (лучше – «расширенных») структур как «речевых»⁷.

Что касается «граммемы лица, заключенной в личной глагольной форме», благодаря которой, как утверждает Л.А. Становая, «глагол сохраняет возможность быть словом-предложением» [Становая, 2013, с. 80], то индоевропейский формант *-t(i)*, помимо изменения в исходе слова в *-d* (ср. в древнелатинских надписях долитературного периода: *feced, kapiad, sied*, позднее *fecit, capitat, si(e)t*) [Семереньи, 1980, с. 250]⁸, мог оставаться невыраженным, как это имеет место (в результате выпадения) в современных романских «словах-предложениях» этого типа. Ср.: итал. *canta* (<лат. *cantat*) «он (она, оно) поет». Форма 3-го л. без окончания отмечается прежде всего в греческой форме тематических глаголов (φέρει). То же – в балтийских (лит. *vėza*) и в славянских: серб. *несе*, болг. *носи* и др.) [Савченко 1974, с. 272]. Весьма примечательно, что глагольные формы 3-го л. ед. ч. презенса без показателя *-t-* засвидетельствованы уже в старославянском и древнерусском [Мещерский 1972, с. 185]. Как показано С.П. Обнорским, дейктическое местоимение *тъ* «это», присоединенное к глаголам, функционировало подобно определенному артиклю (ср. постпозитивный определенный артикль-член в болгарском: *жена-та*. – М. З.), показывая, что субъект действия известен, тогда как формы без *-тъ* соотносились с неопределенным субъектом [Обнорский, 1941]⁹. О раннем ослаблении и выпадении *-t* свидетельствуют данные италийской диалектологии; вольск. *facia* (<*faciat*), умбр. *habe* (<*habet*). В латыни это имело место в ранний имперский период в южной Италии, а позже в большей части Италии и в Дакии. Первые примеры этого феномена содержатся в помпейских надписях, «свидетельствующих о строе живой латинской речи» [Тронский, 1953, с. 17]. Другие появились позднее в эпоху распространения христианства в Риме и в Северной Италии: *ama* (<*amat*), *peria* (<*periat*) и др. В Галлии, Ретии и на Сардинии *-t* сохраняется, хотя в галльских надписях, сделанных каменотесами, она также отсутствует (*audivi, posui*). То же – в Хрониках Фридегария: *e* (<*et*); *capo* (<*caput*) [Grandgent, 1908, p. 120–121].

Заключение

Понятия «глоттогенез» и «слово-предложение», которыми оперируют последователи Г. Гийома, развивая одно из положений его теории, могут быть использованы только для отображения последнего этапа эволюции индоевропейского предложения (латынь → французский, а также некоторые другие романские языки), связанного с исчезновением флексии, которому предшествовало существование синкретического, а затем агглютинирующего этапов. Их особенности Гийомом и его последователями не рассматриваются. Основным ядерным центром романского, а шире индоевропейского предложения является не его именная составляющая, а глагольно-предикатный компонент. Флективность, вопреки мнению Г. Гийома, характеризует только поздний этап развития индоевропейского предложения.

Продолжение следует.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. русский неологизм *руконеподаваемый*, то есть человек, которому нельзя подавать руку.

² О. Семереньи отмечает «остроумную попытку» А. Вайяна объяснить «всю систему глагольного индоевропейского спряжения путем сочетания данной теории с эргативной теорией» [Семереньи, 1980, с. 344]. Так, «с абстрактными существительными на *-t-* агенс сочетался в эргативе, а с личными местоимениями – в косвенном падеже. <...> В 3-м лице выступало просто существительное **gwhen-t-i* “удар” (наносимый кем-то) = бьет» [Семереньи, 1980, с. 344]. О выражении «эргативного подлежащего» с посессивной притяжательной конструкцией, неразрывно связанной с родительным падежом, например: *Его взятие книги* (*Его книговзятие = Он берет книгу*), см.: [Качнельсон, 2001, с. 174; 2010, с. 73].

³ Роль «третьего элемента» – связи, эксплицитно или имплицитно в осуществлении связи между предикатом и субъектом в суждении, как логической форме мысли [Борзова, 2007, с. 526] в работах Г. Гийома никогда не рассматривалась.

⁴ Как отмечает В.И. Руденко, аристотелевско-средневековый («биоморфический») стиль мышления включает в себе предпосылки прежде всего философии имени [Руденко, 1992, с. 27]. «Для “новой науки”... характерно превалирование... категории движения... На месте мира, концептуализиру-

М.В. Зеликов. Глоттогенез Г. Гийома в свете данных общего, индоевропейского и романского языкознания

щегося главным образом в пространственных формах, с вневременной динамикой, появляется схема становления во времени...» [Руденко, 1992, с. 28]. При этом особенно важно, что «уже в работах классиков “новой науки” можно обнаружить формулировки, имеющие отчетливо предикатную “синтаксическую” направленность [Руденко, 1992, с. 29]. Очевидно, что абстрактно-имяцентрическая теория Гийома с его минимальным вниманием к синтаксису не имеет к этому никакого отношения.

⁵ В этом – причина анахронизма, пронизывающего абстрактные положения психосистематика. Например, древнейшие хеттские данные указывают на факт частого употребления местоимения 1-го л. ед. ч. [Оттен, Соучек, 1980, с. 173, 194]. Обозначение лица во фразе с личными местоимениями происходит и в «рудиментарных», с точки зрения Г. Гийома, неиндоевропейских языках, в частности в большинстве языков Дагестана (аварском, лакском, удинском, табасаранском и др.) [Трубецкой, 1987, с. 326]. Появление личного местоимения перед глагольной формой, несмотря на обязательность маркера лица, обычно в эргативной конструкции баскского: *Ni-k daramat* «Я (это) несу».

⁶ Это существенное замечание мэтра, благословившего на занятие языкознанием банковского служащего, последний как будто и не заметил: «словечки» Мейе у Гийома превратились в «опоры».

⁷ Такими же не избыточными, а полными (нормальными) являются и имеющие разное пресуппозициональное (прагматическое) наполнение высказывания *Мы едим дома = Мы (а не вы и др. лица) едим дома ≠ Едим дома = Мы едим дома, а не в ресторане, кафе* и пр. [Зеликов, 2014, с. 80]. Обращение к составляющей третью часть семиотики прагматике в процессе «исследования абстрактных сущностей» [Гийом, 1992, с. 105], мало соотносимых с конкретикой фактов языков «в действии», само собой не предполагается.

⁸ То же – в древнеирландском: *berid <*bereti?* [Мейе, 1938, с. 242]. Об отпадении конечного *-d* в умбрском [Тронский 1953, с. 73].

⁹ Сторонники положения Г. Гийома об «архаической рудиментарности» безартикульных славянских языков могли бы отнестись к этому факту с определенным вниманием. Подробнее см.: [Зеликов, 2016, с. 565].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахманова О. С., 1969. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл. 608 с.
Бабий Л., 2014. Синтаксис аргументной структуры. СПб. : Изд-во СПбГУ. 342 с.

Бадер Ф., 1988. Области индоевропейской реконструкции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21. М. : Прогресс. С. 202–223.

Библер В. С., 1975. Мышление как творчество : (Введение в логику мысленного диалога). М. : Изд-во полит. лит. 398 с.

Блумфилд Л., 1968. Язык. М. : Прогресс. 608 с.

Борзова Е. П., 2007. Триадология. СПб. : СПбГУКИ. 671 с.

Ван Валин Р., Фоли У., 1982. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М. : Прогресс. С. 376–410.

Вельмезова Е., 2007. Международная конференция, посвященная вопросам синтаксиса // Вопросы языкознания. № 3. С. 157–158.

Выготский Л. С., 1934. Мышление и речь: психологические исследования. М. ; Л. : Соцэкгиз. 324 с.

Гак В. Г., 1990. Высказывание // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. С. 90.

Герценберг Л. Г., 2010. Краткое введение в индоевропейистику. СПб. : Нестор История. 316 с.

Гийом Г., 1992. Принципы теоретической лингвистики. М. : Прогресс : Культура. 224 с.

Зеликов М. В., 2018. Баскская мифология. Опыт лингвистического анализа. СПб. : РГПУ. 235 с.

Зеликов М. В., 2014. К вопросу о грамматической избыточности моделей с личными местоимениями в естественных языках // Герценовские чтения. Иностранные языки : материалы Всерос. межвуз. конф. (май 2014 г.). СПб. : РГПУ. С. 78–80.

Зеликов М. В., 2005. Компрессия как фактор структуры и функционирования иберороманских языков. СПб. : Изд-во СПбГУ. 443 с.

Зеликов М. В., 2016. Читая Г. Гийома... // Древняя и новая Романия. СПб. : СПбГУ. С. 551–572.

Зеликов М. В., 1988. Испано-баскские языковые параллели в произведениях Сервантеса // Сервантесовские чтения. Л. : Наука. С. 126–132.

Золотова Г. А., 1967. О структуре простого предложения в русском языке // Вопросы языкознания. № 6. С. 90–101.

Иванов Вяч. Вс., 1990. Глоттогенез // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. С. 108–109.

Иванов Вяч. Вс., 1980. Праязыки как объекты описания в издании «Языки мира» // Теоретические основы классификации языков мира. М. : Наука. С. 181–207.

Кальгин В. П., Королев А. А., 1989. Введение в кельтскую филологию. М. : Наука. 264 с.

Кацнельсон С. Д., 2001. Категории языка и мышления. Из научного наследия. М. : Яз. слав. культуры. 851 с.

ДИСКУССИИ

- Кацнельсон С. Д., 2010. Историко-грамматические исследования. СПб. : Петербург. лингв. о-во. 419 с.
- Кибрик А. Е., 1982. Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М. : Прогресс. С. 5–36.
- Кинен Л. Э., 1982. К универсальному определению подлежащих // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М. : Прогресс. С. 236–276.
- Комментарий, 1987 / сост.: Вяч. Вс. Иванов [и др.] // Трубецкой А. С. Избранные труды по филологии. М. : Прогресс. С. 408–491.
- Кузьменко Ю. К., 2012. О причинах и путях редукции падежной системы в скандинавских языках // *Varietas delectans* : сб. ст. к 70-летию Н. Л. Сухачева. СПб. : Нестор-История. С. 284–298.
- Леман В. П., 1988. Из книги «Протоиндоевропейский синтаксис» // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21. М. : Прогресс. С. 351–408.
- Мейе А., 1938. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. : Госэгиз. 511 с.
- Мешанинов И. И., 1982. Глагол. Л. : Наука АН СССР. 272 с.
- Мещерский Н. А., 1972. Русская диалектология / под ред. Н. А. Мещерского. М. : Высш. шк. 303 с.
- Михайлов В. А., 1992. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности. СПб. : Изд-во СПбГУ. 197 с.
- Недялков В. П., 1982. Чукотские глаголы с инкорпорированным подлежащим // Категория субъекта и объекта в языках различных типов Л. : Наука АН СССР. С. 135–153.
- Обнорский С. П., 1941. Образование глагольных форм 3 лица настоящего времени в русском языке // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. № 3. С. 29–48.
- Одри Ж., 1988. Индоевропейские языки // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21. М. : Прогресс. С. 24–121.
- Оттен Г., Соучек В., 1980. Древнехеттский ритуал для царской четы // Древние языки Малой Азии. М. : Прогресс. С. 161–197.
- Павлов В. М., Сухачев А. Л., 1992. Когнитивные структуры языка (Вместо послесловия) // Михайлов В. А. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности. СПб. : Изд-во СПбГУ. С. 190–196.
- Реферовская Е. А., 1977. Лингвистическая концепция Г. Гийома // Вопросы языкознания. № 3. С. 113–124.
- Руденко В. И., 1992. Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры // Вопросы языкознания. № 6. С. 19–35.
- Рыжова Л. П., 2007. Французская прагматика. М. : URSS. 236 с.
- Савченко А. Н., 1974. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М. : Высш. шк. 412 с.
- Самигуллина А. С., 2009. Переосмысливая Г. Гийома, или Современная психомеханика языка и способы ее описания // Человек в зеркале языка. Кн. 4. М. : Ариадна. С. 62–78.
- Семереньи О., 1980. Введение в сравнительное языкознание. М. : Прогресс. 407 с.
- Серебрянников Б. А., 1974. Некоторые вопросы истории кельтских языков // Кельты и кельтские языки. М. : Наука. С. 72–83.
- Скрелина Л. М., 1999. Лекции по теоретической грамматике французского языка. В 2 ч. Ч. 2. СПб. : Изд-во РГПУ. 124 с.
- Скрелина Л. М. Школа Гийома: психосистематика. М. : Высш. шк., 2009. 368 с.
- Становая Л. А., 2016. Еще раз к вопросу о принципе языковой экономии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Т. 2, вып. 4. С. 50–75.
- Становая Л. А., 2013. От слова-предложения к слову, или: о развитии аналитизма французского языка // Человек и его язык : материалы XVI Междунар. конф. СПб. : Скифия. С. 76–81.
- Степанов Ю. С., 1989. Индоевропейское предложение. М. : Наука. 247 с.
- Сусов И. П., 1981. Предикат и предикация // Семантика и прагматика синтаксических единств : межвуз. темат. сб. Калинин : КГУ. С. 93–101.
- Толстой Н. И., Иванов Вяч. Вс., 1987. Послесловие // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М. : Прогресс. С. 492–519.
- Тронский И. М., 1953. Очерки по истории латинского языка. М. ; Л. : [б. и.]. 274 с.
- Трубецкой Н. С., 1987. Избранные труды по филологии. М. : Прогресс. 560 с. (Языковеды мира).
- Философский энциклопедический словарь, 1997 / ред.-сост.: Е. Ф. Губский [и др.]. М. : ИНФРА-М. 574 с.
- Холодович А. А., 1979. Проблемы грамматической теории. Л. : Наука. 304 с.
- Шахтер П., 1982. Роль и референциальные свойства подлежащих // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М. : Прогресс. С. 317–355.
- Шевякова В. Е., 1990. Тема // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. С. 507.
- Шилдз К., 1990. Заметки о происхождении основообразующих формантов в индоевропейском языке // Вопросы языкознания. № 5. С. 12–17.
- Шилдз К., 1988. Некоторые замечания о раннеиндоевропейской именной флексии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21. М. : Прогресс. С. 224–250.
- Якушин Б. В., 1984. Гипотезы о происхождении языка. М. : Наука. 137 с.

М.В. Зеликов. Глоттогенез Г. Гийома в свете данных общего, индоевропейского и романского языкознания

- Ярцева В. Н., 1981. Контрастивная грамматика. М. : Наука. 112 с.
- Ярцева В. Н., 1954. Предисловие // Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М. : Изд-во иностр. лит. С. 3–12.
- Adrados F., 1986. Binary and Multiple Oppositions in the History of Indo-European // *Festschrift for Henry Hoenigswald*. Tübingen : Gunter Narr Verlag. S. 1–10.
- Bellert Y., 1969. Arguments Predicates in the Logico-Semantic Structure of Utterances // *Studies in Syntax and Semantics. Foundations of Language*. Vol. 10. Dordrecht : Springer. P. 34–54.
- Butt J., Benjamin C., 2000. *A New Reference Grammar of Modern Spanish*. L. : Routledge. 608 p.
- Chown E., 2005. Le motif syncrétique dans les théories grammaticales de Marr : sources, parallèles et perspectives // *Un paradigme perdu: la linguistique marriste*. P. 77–88. (Cahiers de l'ILSL ; №20).
- Fuchs C., Goffic P. Le, 1992. *Les Linguistics contemporaines: Repères théorétiques*. P. : Hachette. 158 p.
- Gorrochategui J., 2005. La epigraffa y las lenguas paleohispánicas // *Revue des Études Anciennes*. T. 107, № 1. P. 205–224.
- Grandgent C. H. *An Introduction to Vulgar Latin*. Boston : Heath & Company, 1908. 248 p.
- Guillaume G., 2005. *Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1941–1942. Série B. Théorie du mot et typologie linguistique : initiation et construction du mot à travers les langues*. Québec : Presses de l'Université Laval. 495 p. (Les PUL ; t. 17).
- Melcher H. C., 1992. The Third Person Present in Lydian // *Indogermanische Forschungen*. Bd. 97. S. 31–55.
- Rojas N., 1977. Referentiality in Spanish Noun Phrases // *Language*. Vol. 53. P. 61–69.
- Bader F., 1988. *Oblasti indoeuropeyskoy rekonstruktsii [Areas of Indo-European Reconstruction]*. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 21 [New in Foreign Linguistics. Iss. 21]*. Moscow, Progress Publ., pp. 202–223.
- Bibler V.S., 1975. *Myshlenie kak tvorchestvo: (Vvedenie v logiku myslennogo dialoga) [Thinking as Creativity (Introduction to the Logic of Mental Dialogue)]*. Moscow, Izd-vo polit. lit. 398 p.
- Blumfeld L., 1968. *Yazyk [Language]*. Moscow, Progress Publ. 608 p.
- Borzova E.P., 2007. *Triadologiya [Triadology]*. Saint Petersburg, SPbGUKI. 671 p.
- Van Valin R., Foli U., 1982. Referentsialno-rolevaya grammatika [Role and Reference Grammar]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 11 [New in Foreign Linguistics. Iss. 11]*. Moscow, Progress Publ., pp. 376–410.
- Velmezova E., 2007. Mezhdunarodnaya konferentsiya posvyashchennaya voprosam sintaksisa [An International Conference Dedicated to Syntax Issues]. *Voprosy yazykoznanija [Topics in the Study of Language]*, no. 3, pp. 157–158.
- Vygotskiy L.S., 1934. *Myshlenie i rech [Thinking and Speech]*. Moscow, Leningrad, Sotsekgiz Publ. 324 p.
- Gak V.G., 1990. Vyskazyvanie [Utterance]. Yartseva V.N., ed. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar [Linguistic Encyclopedic Dictionary]*. Moscow, Sov. entsikl. Publ., p. 90.
- Gertsenberg L.G., 2010. *Kratkoe vvedenie v indoeuropeistiku [A Brief Introduction to Indo-European Studies]*. Saint Petersburg, Nestor Istorija Publ. 316 p.
- Giyom G., 1992. *Printsipy teoreticheskoy lingvistiki [Principles of Theoretical Linguistics]*. Moscow, Progress Publ., Kultura Publ. 224 p.
- Zelikov M.V., 2018. *Baskskaya mifologiya. Opyt lingvisticheskogo analiza [Basque Mythology. Experience of Linguistic Analysis]*. Saint Petersburg, RGPU. 235 p.
- Zelikov M.V., 2014. K voprosu o grammaticheskoy izbytochnosti modeley s lichnymi mestoimeniyami v estestvennykh yazykakh [A Grammatical Redundancy of Models with Personal Pronouns in Natural Languages]. *Gertsenovskie chteniya. Inostrannye yazyki: materialy Vseros. mezhvuz. konf. (may 2014 g.) [Herzen Readings. Foreign Languages. Proceedings of the All-Russian Interuniversity Conference (May, 2014)]*. Saint Petersburg, RGPU, pp. 78–80.
- Zelikov M.V., 2005. *Kompressiya kak faktor struktury i funktsionirovaniya iberoromanskikh yazykov [Compression as a Factor of Structure and Functioning of Ibero-Roman Languages]*. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU. 443 p.

ИСТОЧНИК

LBA – Ruíz J. Libro de buen amor. La Habana : Editorial Arte y Literatura, 1984.

REFERENCES

- Akhmanova O.S. *Slovar lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms]*. Moscow, Sov. entsikl. Publ. 608 p.
- Babiy L., 2014. *Sintaksis argumentnoy struktury [Syntax of the Argument Structure]*. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU. 342 p.

- Zelikov M.V., 2016. Chitaya G. Giyoma... [Reading G. Guillaume]. *Drevnyaya i novaya Romaniya* [Ancient and New Romania]. Saint Petersburg, SPbGU, pp. 551-572.
- Zelikov M.V., 1988. Hispano-baskskie yazykovye paralleli v proizvedeniyakh Servantesa [Spanish-Basque Language Parallels in the Works of Cervantes]. *Servantesovskie chteniya* [Cervantes Readings]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 126-132.
- Zolotova G.A., 1967. O strukture prostogo predlozheniya v russkom yazyke [About the Structure of a Simple Sentence in Russian]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the Study of Language], no. 6, pp. 90-101.
- Ivanov Vyach. Vs., 1990. Glottogenez [Glottogenesis]. Yartseva V.N., ed. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., pp. 108-109.
- Ivanov Vyach. Vs., 1980. Prayazyki kak obyekty opisaniya v izdanii «Yazyki mira» [Proto-Languages as Objects of Description in the Publication “Languages of the World”]. *Teoreticheskie osnovy klassifikatsii yazykov mira* [Theoretical Foundations of the Classification of Languages of the World]. Moscow, Nauka Publ., pp. 181-207.
- Kalygin V.P., Korolev A.A., 1989. *Vvedenie v keltskuyu filologiyu* [Introduction to Celtic Philology]. Moscow, Nauka Publ. 264 p.
- Katsnelson S.D., 2001. *Kategorii yazyka i myshleniya. Iz nauchnogo naslediya* [Categories of Language and Thinking. From the Scientific Heritage]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 851 p.
- Katsnelson S.D., 2010. *Istoriko-grammaticheskie issledovaniya* [Historical and Grammatical Research]. Saint Petersburg, Peterburg. lingv. o-vo. 419 p.
- Kibrik A.E., 1982. Problema sintaksicheskikh otnosheniy v universalnoy grammatike [The Problem of Syntactic Relations in Universal Grammar]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 11* [New in Foreign Linguistics. Iss. 11]. Moscow, Progress Publ., pp. 5-36.
- Kinen L.E., 1982. K universalnomu opredeleniyu podlezhashchikh [Towards a Universal Definition of Subjects]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 11* [New in Foreign Linguistics. Iss. 11]. Moscow, Progress Publ., pp. 236-276.
- Ivanov Vyach. Vs. et al., eds., 1987. Kommentarii [Comments]. Trubetskoy A.S. *Izbrannye trudy po filologii* [Selected Works on Philology]. Moscow, Progress Publ., pp. 408-491.
- Kuzmenko Yu.K., 2012. O prichinakh i putyakh reduksii padezhnoy sistemy v skandinavskikh yazykakh [On the Causes and Ways of Reducing the Case System in the Scandinavian Languages]. *Varietas delectans: sb. st. k 70-letiyu N.L. Sukhacheva* [Varietas delectans. Collection of Articles to 70th Anniversary of N.L. Sukhachev]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 284-298.
- Leman V.P., 1988. Iz knigi «Protoindoevropeskiy sintaksis» [From the Book “Proto-Indo-European Syntax”]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 21* [New in Foreign Linguistics. Iss. 21]. Moscow, Progress Publ., pp. 351-408.
- Meye A., 1938. *Vvedenie v sravnitelnoe izuchenie indoevropeskikh yazykov* [Introduction to the Comparative Study of Indo-European Languages]. Moscow, Gosegiz Publ. 511 p.
- Meshchaninov I.I., 1982. *Glagol* [The Verb]. Leningrad, Nauka AN SSSR Publ. 272 p.
- Meshcherskiy N.A., 1972. *Russkaya dialektologiya* [Russian Dialectology]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 303 p.
- Mikhaylov V.A., 1992. *Smysl i znachenie v sisteme rechemyslitelnoy deyatel'nosti* [Meaning and Significance in the System of Speech-Thinking Activity]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU. 197 p.
- Nedyalkov V.P., 1982. Chukotskie glagoly s inkorporirovannym podlezhashchim [Chukchi Verbs with Incorporated Subject]. *Kategoriya subyektov i ob'yektov v yazykakh razlichnykh tipov* [The Category of Subject and Object in Languages of Various Types]. Leningrad, Nauka AN SSSR Publ., pp. 135-153.
- Obnorskiy S.P., 1941. Obrazovanie glagolnykh form 3 litsa nastoyashchego vremeni v russkom yazyke [Formation of Verb Forms of the 3rd Person of the Present Tense in the Russian Language]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdeleniye literatury i yazyka* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language], no. 3, pp. 29-48.
- Odri Zh., 1988. Indoevropeskie yazyki [Indo-European Languages]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 21* [New in Foreign Linguistics. Iss. 21]. Moscow, Progress Publ., pp. 24-121.
- Otten G., Souček V., 1980. Drevnekhettitskiy ritual dlya tsarskoy chety [Ancient Hittite Ritual for the Royal Couple]. *Drevnie yazyki Maloy Azii* [Ancient Languages of Asia Minor]. Moscow Progress Publ., pp. 161-197.
- Pavlov V.M., Sukhachev A.L., 1992. Kognitivnye struktury yazyka (Vmesto poslesloviya) [Cognitive Structures of Language (Instead of an Afterword)]. Mikhaylov V.A. *Smysl i znachenie v sisteme rechemyslitelnoy*

- М.В. Зеликов. Глоттогенез Г. Гийома в свете данных общего, индоевропейского и романского языкознания *deyatelnosti* [Meaning and Significance in the System of Speech-Thinking Activity]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, pp. 190-196.
- Referovskaya E.A., 1977. *Lingvisticheskaya kontseptsiya G. Giyoma* [The Linguistic Concept of G. Guillaume]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 113-124.
- Rudenko V.I., 1992. *Kognitivnaya nauka, lingvofilosofskie paradigmy i granitsy kultury* [Cognitive Science, Linguophilosophical Paradigms and Cultural Boundaries]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 6, pp. 19-35.
- Ryzhova L.P., 2007. *Frantsuzskaya pragmatika* [French Pragmatics]. Moscow, URSS. 236 p.
- Savchenko A.N., 1974. *Sravnitel'naya grammatika indoeuropeyskikh yazykov* [Comparative Grammar of Indo-European Languages]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 412 p.
- Samigullina A.S., 2009. *Pereosmyslivaya G. Giyoma, ili Sovremennaya psikhomekhanika yazyka i sposoby ee opisaniya* [Reconsidering G. Guillaume, or Modern Psychomechanics of Language and Ways of Its Description]. *Chelovek v zerkale yazyka. Kn. 4* [A Man in the Mirror of Language. Book 4]. Moscow, Ariadna Publ., pp. 62-78.
- Semerenyi O., 1980. *Vvedenie v sravnitel'noe yazykoznanie* [Introduction to Comparative Linguistics]. Moscow, Progress Publ. 407 p.
- Serebrennikov B.A., 1974. *Nekotorye voprosy istorii keltskikh yazykov* [Some Questions of the History of Celtic Languages]. *Kelty i keltskie yazyki* [Celts and Celtic Languages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 72-83.
- Skrelina L.M., 1999. *Lektsii po teoreticheskoy grammatike Frantsuzskogo yazyka. V 2 ch. Ch. 2* [Lectures on the Theoretical Grammar of the French Language. In 2 Pts. Pt. 2]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU. 124 p.
- Skrelina L.M. *Shkola Gijoma: psihosistematika* [The School of Gillaume: Psicosisystematics]. Moscow, Vyssh. shk., 2009. 368 p.
- Stanovaya L.A., 2016. *Eshche raz k voprosu o printsipe yazykovoy ekonomii* [Once Again About the Principle of Language Economy]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], vol. 2, iss. 4, pp. 50-75.
- Stanovaya L.A., 2013. *Ot slova-predlozheniya k slovu, ili: o razvitiu analitizma frantsuzskogo yazyka* [From Word-Sentence to Word, or: On the Development of the Analyticism of the French Language]. *Chelovek i ego yazyk: materialy XVI Mezhdunar. konf.* [Men and Their Languages. Proceedings of the 16th International Conference]. Saint Petersburg, Skifiya Publ., pp. 76-81.
- Stepanov Yu.S., 1989. *Indoeuropeyskoe predlozhenie* [Indo-European Sentence]. Moscow, Nauka Publ. 247 p.
- Susov I.P., 1981. *Predikat i predikatsiya* [Predicate and Predication]. *Semantika i pragmatika sintaksicheskikh edinstv: mezhvuz. temat. sb.* [Semantics and Pragmatics of Syntactic Units. Interuniversity Thematic Collection]. Kalinin, KGU, pp. 93-101.
- Tolstoy N.I., Ivanov Vyach. Vs., 1987. *Posleslovie* [Afterword]. Trubetskoy N.S. *Izbrannye trudy po filologii* [Selected Works on Philology]. Moscow, Progress Publ., pp. 492-519.
- Tronskiy I.M., 1953. *Ocherki po istorii latinskogo yazyka* [Essays on the History of the Latin Language]. Moscow, Leningrad, s. n. 274 p.
- Trubetskoy N.S., 1987. *Izbrannye trudy po filologii* [Selected Works on Philology]. Moscow, Progress Publ. 560 p. (Yazykovedy mira [Linguists of the World]).
- Gubskiy E.F. et al., eds., 1997. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ. 574 p.
- Kholodovich A.A., 1979. *Problemy grammaticheskoy teorii* [Problems of Grammatical Theory]. Leningrad, Nauka Publ. 304 p.
- Shakhter P., 1982. *Rolevye i referentsialnye svoystva podlezhashchikh* [Role and Referential Properties of the Subjects]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 11* [New in Foreign Linguistics. Iss. 11]. Moscow, Progress Publ., pp. 317-355.
- Shevyakova V.Ye., 1990. *Tema* [Theme]. Yartseva V.N., ed. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., p. 507.
- Shildz K., 1990. *Zametki o proiskhozhdenii osnovoobrazuyushchikh formantov v indoeuropeyskom yazyke* [Notes on the Origin of the Basic Formants in the Indo-European Language]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 5, pp. 12-17.
- Shildz K., 1988. *Nekotorye zamechaniya o ranneindoeuropeyskoy imennoy fleksii* [Some Remarks on Early Indo-European Nominal Inflection]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 21* [New in Foreign Linguistics. Iss. 21]. Moscow, Progress Publ., pp. 224-250.
- Yakushin B.V., 1984. *Gipotezy o proiskhozhdenii yazyka* [Hypotheses About the Origin of Language]. Moscow, Nauka Publ. 137 p.
- Yartseva V.N., 1981. *Kontrastivnaya grammatika* [Contrastive Grammar]. Moscow, Nauka Publ. 112 p.

ДИСКУССИИ

- Yartseva V.N., 1954. Predislovie [Preface]. Lyuis G., Pedersen Kh. *Kratkaya sravnitel'naya grammatika keltskikh yazykov* [A Brief Comparative Grammar of the Celtic Languages]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., pp. 3-12.
- Adrados F., 1986. Binary and Multiple Oppositions in the History of Indo-European. *Festschrift for Henry Hoenigswald*. Tübingen, Gunter Narr Verlag, S. 1-10.
- Bellert Y., 1969. Arguments Predicates in the Logico-Semantic Structure of Utterances. *Studies in Syntax and Semantics. Foundations of Language. Vol. 10*. Dordrecht, Springer, pp. 34-54.
- Butt J., Benjamin C., 2000. *A New Reference Grammar of Modern Spanish*. London, Routledge. 608 p.
- Chown E., 2005. Le motif syncrétique dans les théories grammaticales de Marr : sources, parallèles et perspectives. *Un paradigme perdu: la linguistique marriste*, pp. 77-88. (Cahiers de l'ILSL, no. 20).
- Fuchs C., Goffic P., 1992. *Les Linguistics contemporaines: Repures théoretiques*. Paris, Hachette. 158 p.
- Gorrochategui J., 2005. La epigraffa y las lenguas paleohispánicas. *Revue des Études Anciennes*, t. 107, no. 1, pp. 205-224.
- Grandgent C.H. *An Introduction to Vulgar Latin*. Boston, Heath & Company, 1908. 248 p.
- Guillaume G., 2005. *Leçons de linguistique de Gustave Guilloume. 1941–1942. Série B. Théorie du mot et typologie linguistique: initiation et construction du mot à travers les langues*. Québec, Presses de l'Université Laval. 495 p. (Les PUL, t. 17)
- Melcher H. Craing, 1992. The Third Person Present in Lydian. *Indogermanische Forschungen*, Bd. 97, S. 31-55.
- Rojas N., 1977. Referentiality in Spanish Noun Phrases. *Language*, vol. 53, pp. 61-69.
- SOURCE**
- Ruíz J. *Libro de buen amor*. La Habana, Editorial Arte y Literatura, 1984.

Information About the Author

Mikhail V. Zelikov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Institute of Interdisciplinary Education and Ibero-American Studies, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St, 105/42, 344006 Rostov-on-Don, Russia, zelikovmv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1257-8689>

Информация об авторе

Михаил Викторович Зеликов, доктор филологических наук, профессор Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 105/42, 344006 г. Ростов-на-Дону, Россия, zelikovmv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1257-8689>